

ОБРАЗ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ (Н.С. ЛЕСКОВ И ДЖ. ЭЛИОТ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-34-01240.

Исследование репрезентации образов священнослужителей в чеховских рассказах позволяет говорить о наличии типологических сходжений между творчеством А.П. Чехова и Дж. Элиот. Освоение Чеховым английских традиций было опосредовано открытиями Н.С. Лескова. В работе делается вывод о типологической близости концепции священнослужителя как человека, подлинно нравственной личности, свободной от догматизма, в творчестве Дж. Элиот, Н.С. Лескова и А.П. Чехова.

Ключевые слова: А.П. Чехов; Н.С. Лесков; Дж. Элиот; традиция; образ; священнослужитель.

Проблема «Чехов и Англия» считается достаточно изученной в литературоведческой науке. Однако практически все материалы, посвященные этой теме, раскрывают рецепцию творчества русского писателя в Великобритании¹. Английская же традиция в произведениях самого Чехова исследуется, в основном, в контексте его интереса к наследию У. Шекспира².

Крайне малое количество исследований, посвященных традициям английских писателей в творчестве Чехова³, объясняется обычно тем, что русский писатель не проявлял к ним никакого интереса. Так, Доналд Рейфилд, современный британский исследователь и биограф Чехова, в интервью «Радио Свобода» в 2010 г. утверждает, что к Англии и англичанам Чехов относился «с безразличием»: «Английским языком он не интересовался. Шекспир, по-моему, был едва ли не единственный английский писатель, которого он довольно хорошо знал» [6]. Имена и произведения британских авторов действительно редко встречаются в творчестве, письмах и записных книжках Чехова: помимо Шекспира, в них можно найти единичные упоминания Байрона, Дефо, Джерома, Диккенса, Дизраэли, Рескина.

Тем не менее исследование репрезентации образов священнослужителей в чеховских рассказах позволяет говорить о наличии типологических сходжений между творчеством Чехова и английской писательницы XIX в. Джордж Элиот. Важным является тот факт, что освоение Чеховым английских литературных традиций было опосредовано наследием русских писателей. Определяющее место здесь занимает творчество Н.С. Лескова, первого светского писателя, сделавшего священнослужителей главными героями такого эпического полотна, как роман-хроника «Соборяне» (1872), а также остросатирических очерков «Мелочи архиерейской жизни» (1878).

Прекрасное знание этой любимой лесковской тематики демонстрируют ранние письма Чехова: в них начинающий писатель почти всегда упоминает о Лескове именно как о знатоке церковной жизни. Так, в 1884 г. Чехов описывает монастырь в Новом Иерусалиме, подчеркивая: «Каждое воскресенье в монастыре производится пасхальная служба со всеми ее шиками... Лесков, вероятно, знает об этой особенности нашего монастыря»⁴ (П., 1, 114). А в 1888 г. он иро-

нически замечает: «Писатели ревнивы, как голуби. Лейкину не нравится, если кто пишет из купеческого быта, Лескову противно читать повести из поповского быта, не им написанные...» (П., 2, 188).

Ранее, в 1883 г., в письме к брату Александру Чехов рассказал о своем личном знакомстве с Лесковым, упомянув при этом, что писатель подарил ему «свои сочинения с факсимиле» (П., 1, 88) – среди них издание «Соборяне» 1878 г., сохранившееся в личной библиотеке Чехова. В описании встречи любопытны две детали. Одна из них – замечание Чехова о том, что автор романа о служителях Церкви сам «похож на изящного француза и в то же время на попарасстригу» (П., 1, 88). Вторая – эпизод шуточного «благословения» Лесковым молодого Чехова со словами: «Помазую тебя елеем, как Самуил помазал Давида... Пиши» (П., 1, 88). Немаловажно, что в этом же письме Чехов прямо именует Лескова «любимым писакой» (П., 1, 88).

Внимательное чтение «Соборяне» и цикла «Мелочи архиерейской жизни» подтверждает и использование Чеховым характерных лесковских выражений. Например, в одном из писем он признается: «У меня болит правая лопатка и то пространство, которое у архиереев называется междукрылием, т.е. место между лопатками» (П., 4, 349), цитируя здесь сатирическое наименование недуга архиерея Смарагда в «Мелочах», придуманное собственно Лесковым. В «Острове Сахалине» Чехов прямо ссылается на автора «Мелочей», цитируя еще одно хлесткое выражение писателя: «Унтеры, особенно надзиратели... держат себя с невестами и с их родителями с тою разнузданною надменностью, за которую Н.С. Лесков так не любит “несытых архиерейских скотин”» (С., 14/15, 265).

Юмористическое «помазание» Лесковым Чехова, таким образом, приобретает впоследствии вполне практический смысл: Чехов во многом продолжает традиции своего «любимого писаки», о чем не раз говорили исследователи⁵. Как и Лесков, он стремится показать правду жизни, отстаивает свободу выражения, находится вне любых идеологических течений. В характерах чеховских священнослужителей также обнаруживаются отголоски образов Лескова.

Уникальная роль Лескова в истории русской литературы заключается в том, что он первым изобразил

священнослужителя как человека мыслящего, чувствующего и страдающего. Прозу Лескова и Чехова сближают, прежде всего, авторский пафос, общее желание писателей обнаружить и описать простых, близких своей пастве священников, в которых человеческое доминирует над догматизмом и снисходительной пастырской строгостью.

Этот пафос пронизывает весь лесковский цикл очерков «Мелочи архиерейской жизни». Характерна композиция книги: от обличения владык самодовольных, равнодушных, мелочных и жестоких писатель постепенно переходит к живописанию архиереев, которые приближаются к народному идеалу «простых и препростых» [13. Т. 6. С. 448] святых.

Поворотным пунктом от сарказма к любованию становится сочувственный, хотя и не лишенный юмора рассказ о тяжелой жизни преосвященного Порфирия, много лет страдающего от вздутия живота вследствие невозможности для архиерея попросту выйти за пределы своего двора. Умный, нетривиально мыслящий владыка признается, что его мучает не столько болезнь, сколько вынужденная отчужденность от людей, которая позже погубит и чеховского архиерея. «Я или другой архиерей, ходя меж людьми, может быть кого-нибудь чему-нибудь доброму бы научили, и воздержали бы, и посоветовали, – сетует преосвященный Порфирий. – А то что в нас кому за польза!» [Там же. С. 445].

Следующий рассказ Лескова об одном из «простых» владык вполне мог стать сюжетом для юморески Чехова. Лесков приводит воспоминание художника И.В. Гудовского о шалостях школяров в саду митрополита Киевского Филарета, когда «милый дидуся» [Там же] неожиданно помог им в обворовывании собственного сада, а затем вместо наказания прислал «живописцам-мальчишкам» целое корыто фруктов и меду. «Так детски чист и прост был этот добрейший человек, – восхищается Лесков митрополитом. – ...Глаз нигде не находит другого такого человека, который был бы так подчинен кроткому добротолочию, не по теории, не в силу морали воспитания и, еще более, не в силу сухой и несостоятельной морали направления» [Там же. С. 457–458].

Еще один столь же насыщенный юмором рассказ Лескова посвящен епископу Неофиту, не оправдавшему ожиданий местного помещика, который привык к максимальному церемониалу со стороны священнослужителей высшего ранга. Приехав в имение небожничьего хозяина, епископ сперва захотел услышать светское пение; затем погулять по саду, причем здесь «был так прост, что взял из рук одной девушки грабли и сам прогреб ряд сухого сена» [Там же. С. 473]; а к вечеру «пожелал половить в местном пруду карасей» [Там же. С. 474]. В недоумение привели помещика и разговоры епископа: «и опять все простое, человеческое, а ничего ни о попах, ни о дяконах и о просвирах» [Там же]. Во время проводов преосвященный Неофит охотно простил детям помещика все их «шалости» с распитием шампанского, а на восторженное обещание никогда не забывать его ответил просто: «Меня помнит нечего: умру – одним монахом поме-

неет, и только. А вы помните того, кто велел, чтобы все мы любили друг друга» [13. Т. 6. С. 479]. В каждой строке чувствуется искреннее любование Лескова «ласковым и снисходительным епископом» [Там же. С. 480], заслужившим обожание мирян за свое доброе, отзывчивое сердце, живой ум и тонкую иронию.

Еще о двух «добрых, но гораздо более тонких и политических» архиереях [Там же] Лесков рассказывает в финале «Мелочей»: обе истории посвящены неожиданной гибкости взглядов владык по «животрепещущему брачному вопросу» [Там же. С. 482]. В первом случае преосвященный Поликарп советует разведенным по закону кузнам «не доверять» [Там же. С. 499] этому решению и жить семейной жизнью, невзирая на свой юридический статус. Во втором не названный Лесковым владыка дает герою откровенный совет, как оформить непозволительный по закону брак со свояченицей: «Я не знаю, где это, но только не раз слышал, будто тут есть такие попы, что за пятьсот рублей вас не только на свояченице, а хоть на родной матери перевенчают» [Там же. С. 512].

Такая дерзко-юмористическая тональность «Мелочей» вызвала негодование как церковных и светских властей, так и коллег Лескова по перу. И.С. Аксаков, например, откровенно называет авторский пафос «Мелочей» «глумлением»: «Выругать серьезно, разгромить глупость и мерзость – это не имеет того растлевающего душу действия, как хихиканье и т.п., приемы – там, где желательно сохранить уважение к сану... Архиерейскому сану подобает серьезная руготня и негодование. Это его привилегия. Его в нужных случаях надо бить дубьем, а не угощать щелчком»⁶.

Очевидно, что в русской литературе просто не было традиции подобного «вольного» изображения церковных служителей, когда автор мог и сатирически «щелкать» архиереев-самодуров, и шутивно-любовно превозносить достоинства «милых старичков»-епископов. Однако такая традиция вполне определенно сложилась в Великобритании: она проявляется еще в XVIII в. в творчестве О. Голдсмита, Л. Стерна, Г. Филдинга. Новый всплеск интереса к жизни духовенства происходит в конце 1850-х гг., когда почти одновременно появляются первые романы Э. Треллопа из его «клерикального» цикла «Барсетширские хроники» и три повести Джордж Элиот под общим названием «Сцены из клерикальной жизни».

Открытия Лескова были непосредственно связаны с английской традицией «клерикальной» прозы⁷. Важно, что, в отличие от Чехова, автор «Соборяне» проявлял неподдельный интерес к литературе, культуре, религиозным течениям Англии, что подтверждают его художественные и публицистические тексты, изобилующие цитатами и реминисценциями из английской литературы. Есть все основания полагать, что Лесков был знаком и с произведениями Джордж Элиот, которые в 1860–1870-х гг. постоянно переводились на русский язык и публиковались в ведущих отечественных журналах⁸.

Принципиальная новизна изображения священнослужителей в прозе Джордж Элиот раскрыта в письме

Дж. Г. Льюиса, литературного критика и гражданского мужа Элиот, к издателю. Он указывал, что жизнь духовенства будет описываться в «Сценах из клерикальной жизни» «исключительно в ее человеческом, а не догматическом аспекте», а само духовенство – «как любой другой класс, с причудами, огорчениями и бедами, как у всех прочих людей» [18. С. 269].

В «Сценах из клерикальной жизни» (1857) Элиот показывает судьбы трех священнослужителей, каждая из которых по-своему драматична: все трое несут бремя одиночества, страдают от непонимания, бедности, непосильного труда. Доминантой авторского пафоса здесь становится идея сочувствия («sympathy»). «Истинное, настоящее знание о нашем ближнем – только то, которое дает нам возможность чувствовать вместе с ним, – пишет Элиот в “Сценах”. – Самый тонкий анализ школы и секты непременно упустит из виду существенную сторону истины, если он не освещен любовью...» [19. С. 76–77].

В первой повести Элиот убеждает читателей в необходимости сострадания к несчастной судьбе Амоса Бартона, недалекого и нечуткого деревенского священника. В двух последующих частях «Сцен» способность к сочувствию становится главным качеством самих духовных лиц. В повести «Любовь мистера Гильфиля» живое сострадание молодого священника Менарда Гильфиля воскрешает юную Тину, потрясенную изменой, а затем смертью возлюбленного; в «Исповеди Джэнет» евангелический проповедник Эдгар Триан спасает молодую женщину Джэнет Демпстер, страдающую от жестокого обращения мужа и пристрастия к вину.

Любимым образом самой Элиот являлся именно Триан, которого в письмах она называла «идеальным» священнослужителем [18. С. 375]. В кульминационной сцене исповеди Джэнет писательница подчеркивает душевную чуткость героя, который чувствует «живое сострадание» при виде «утомленного лица» [19. С. 110] героини. В ответном взгляде Джэнет сразу же расставлены авторские акценты: она видит во взоре Триана «ту же искренность, ту же грусть, ту же жалость, о которых твердила ей память» [Там же]. Искренность и сострадающее сердце – вот ключевые качества идеального священника, по мысли Элиот.

Сцена исповеди добавляет к этой характеристике еще одну существенную черту – отсутствие гордости, признание своих грехов, чем молодой проповедник ставит себя наравне с кающейся грешницей. «Обращаясь ко мне, вы обращаетесь к подобному вам грешнику, который сам нуждался в той же помощи и в том же утешении, каких ищите вы» [Там же], – говорит Триан, вслед за чем действительно исповедуется героине в страшном грехе, совершенном в дни своей молодости. Эта открытость и отсутствие высокомерия по отношению к своей пастве, безусловно, отзовутся в «клерикальной» прозе Лескова и Чехова.

Та же страстная вера и желание подвижническим трудом спасти простых людей есть и у Дины Моррис, молодой проповедницы-методистки из первого романа Элиот «Адам Бид» (1859). В последующих романах Элиот снижает пафос в изображении свя-

щеннослужителей, однако по-прежнему возлагает на них роль наставников и исповедников, в особенности молодых героев. Таков, например, Руфус Лайон, старый священник индипендентской капеллы из романа «Феликс Холт, радикал» (1866). Шутливо описав смешную внешность героя, который «с первого взгляда... казался чрезвычайно странным старичком» со своими «тоненькими ножками и широкой головой» [20. С. 50], Элиот незамедлительно определяет собственное отношение к Лайону, называя его «добрым Руфусом» [Там же. С. 51], а вскоре демонстрирует его живой ум и отцовскую нежность.

Для Лайона характерны и снисходительность, неподдельный интерес к людям, даже не разделяющим его взгляды. Обусловлено это, как указывает Элиот, прошлым – историей страстной любви ревностного пастора к молодой француженке, попавшей в беду. Лайон становится духовным наставником молодого ремесленника Феликса Холта, занимающегося политическим просвещением рабочих. В Феликсе священник видит ту же честность и душевную восприимчивость, толерантность, которая характерна и для него самого. «В вас несомненно благодать Божия, потому что вы всегда готовы увидеть и признать истину» [Там же. С. 152], – говорит священник молодому радикалу во время одной из бесед. Безусловна и способность Лайона к самопожертвованию: узнав о крупном наследстве своей приемной дочери Эсфири, он раскрывает ей тайну ее прошлого, хотя и мучительно страдает от мысли, что та с презрением и обидой отвернется от него. По мнению Б.М. Проскурнина, в образе Лайона очевидно влияние на Элиот идей Л. Фейербаха: старый священник «совершенно “по-фейербаховски” проповедует источник нравственности и морали в свойственном человеку от природы стремлении к счастью... и любовном, а не только сурово требовательном отношении к окружающим» [21. С. 202].

Самым обыкновенным, не чуждым человеческих слабостей священнослужителем в прозе Элиот становится преподобный Кэмден Фербратер, один из героев романа «Мидлмарч» (1871–1872), признанного вершиной творчества английской писательницы. Последовательность введения этого образа в повествование напоминает композицию чеховского рассказа «Кошмар», где отец Яков сначала представляется читателю глазами чиновника Кунина. По его мнению, это «странный субъект» (С., 5, 61) с «бабым лицом» (С., 5, 60); «малый... не из очень умных» (С., 5, 62); «в позе отца Якова... ему виделось отсутствие достоинства и даже подхалимство» (С., 5, 61); а в финале встречи Кунин уже окончательно убежден, что священник – «неряха, груб, глуп и, наверно, пьяница» (С., 5, 63). Не исправляет это мнение и посещение храма и дома отца Якова, после которого Кунин отправляет архиерею доклад на священника, указывая, что тот «недостаточно развит, кажется, ведет нетрезвую жизнь и вообще не удовлетворяет тем требованиям, которые веками сложились у русского народа по отношению к его пастырям» (С., 5, 67).

Подобным образом и в романе «Мидлмарч» Фербратер показан читателю через отношение к нему од-

ного из главных героев, молодого и амбициозного доктора Лидгейта, которому предстоит решить, быть ли священнику капелланом во вверенной ему больнице. Сначала Фербратера негативно характеризует Лидгейту его покровитель банкир Булстрод: он уверяет врача, что «это человек, о котором нельзя не скорбеть» [22. С. 130], и советует проголосовать в пользу другого кандидата на должность капеллана – строгого и ревностного проповедника Тайка. Затем Лидгейт встречает Фербратера в гостях и с предубеждением видит, что обаятельный и дружелюбный священник действительно играет на деньги. Лидгейт высокомерно предполагает, что привычка бывать в «не слишком ученном доме» [Там же. С. 167] местного мэра объясняется тем, что священнику попросту нечем заняться: «Развлечения, позволяющие коротать время без напряжения умственных способностей, конечно, должны привлекать сюда тех, кто не знает, на что употребить свой досуг» [Там же].

Посещение дома Фербратера поколебало убеждения молодого врача: он обнаруживает, что причина его пристрастия к азартным играм, как и в случае с героем Чехова, – нужда. Игра на деньги – лишь один из способов пополнить крайне малые доходы священнослужителя, которые с достойной подражания стойкостью переносят общество своих докучливых родственников: «Трудно было бы найти человека, столь нежного и заботливого с матерью, теткой и сестрой, хотя необходимость содержать их очень затрудняла его жизнь» [Там же. С. 183]. Даже осознание неверно выбранной профессии, как понимает Лидгейт, не делает Фербратера мизантропом: «Он был очень приятным человеком – благожелательным, остроумным, откровенным, и в его тоне никогда не проскальзывала усмешка подавленной горечи или другие подобные чувства, которыми добрая половина из нас постоянно досаждают своим друзьям и знакомым» [Там же. С. 184].

В романе «Мидлмарч» Фербратер является наставником двух молодых героев – самого Лидгейта и Фреда Винси, который пытается найти свое место в жизни и добиться руки подруги своего детства Мэри Гарт. В последней ситуации Фербратер проявляет редкое великодушие и самоотверженность: недалекий Фред не догадывается, что священник сам влюблен в Мэри, когда просит его поговорить с девушкой о собственной кандидатуре. В образе Фербратера Элиот акцентирует проблему не только духовного, но и личного одиночества священнослужителя, трудности достижения им счастья и его мимолетности – проблему, актуализированную еще в повести «Любовь мистера Гильфиля».

Эта традиция изображения священнослужителей, тесно связанная с открытиями Джордж Элиот и Лескова, получает развитие в творчестве Чехова. Герои-священники фигурируют в рассказах Чехова достаточно часто: насчитывается более двадцати произведений, где духовные лица являются одними из персонажей. Наиболее репрезентативными представляются пять рассказов: «Панихида» (1886), «Кошмар» (1886), «Святою ночью» (1886), «Письмо» (1887), «Архи-

ерей» (1902), а также повесть «Дуэль» (1891). Герои-священники в них наделены Чеховым общими качествами, «ядром» которых является человечность, сопряженная с широтой взглядов, антидогматизмом в отношении к людям. Этим героям свойственны милосердие, способность к прощению и принятию другого, чуткость, тонкая восприимчивость жизни.

Этот комплекс характеристик тесно связан с отношением Чехова к священнослужителям и религии в целом. Хорошо известны высказывания писателя о полученном им в детстве религиозном воспитании «с церковным пением, с чтением апостола и кафизм в церкви, с исправным посещением утрени, с обязанностью помогать в алтаре и звонить на колокольне» (П., 5, 20), которое в итоге вызвало его охлаждение к Церкви: «Религии у меня теперь нет» (П., 5, 20). Именно в детстве Чехов ощутил различие между душевной, искренней верой и сухим, показным исполнением церковных обрядов, составлявшим суть религии его отца. Как пишет Н.В. Капустин, «в вере Павла Егоровича преобладали формализм, назойливо-поучающий тон, не было теплоты и терпимости» [23. С. 325]. Есть мнение, что именно П.Е. Чехов стал прототипом отца Федора в рассказе «Письмо».

Однако был и другой полюс отношения писателя к служителям Церкви – конкретным людям, которые в исполнении своего долга, сохраняли человеческое чувство к прихожанам. В книге «Остров Сахалин», например, Чехов подчеркивает, что «сахалинские священники всегда держались в стороне от наказания и относились к ссыльным не как к преступникам, а как к людям, и в этом отношении проявляли больше такта и понимания своего долга, чем врачи или агрономы...» (С., 14/15, 301). Отчасти идеал чеховский священнослужителя выражает характеристика писателем Христа как «натуры мужественной, ровной и широко думающей» (П., 3, 36).

Показателен образ молодого дьякона Победова, героя повести «Дуэль»⁹. Будучи постоянным собеседником фон Корена, дьякон, тем не менее, занимает «срединное» положение между двумя героями-антагонистами, и более того – между всеми противоборствующими явлениями жизни. На протяжении повести он то и дело пытается привести эти явления в равновесие; примирить, казалось бы, непримиримое. Характерны его рассуждения о предложении фон Корена принять постриг и отправиться с ним в экспедицию. Дьякон сперва представляет свою стремительную карьеру, возвышаясь в мечтах до архиерея и великолепной службы в кафедральном соборе, а затем воображает картину крестного хода в деревне и завершает сопоставление словами: «И это тоже хорошо...» (С., 7, 389). Точно так же он примиряет в уме и двух антагонистов – фон Корена и Лаевского: «Они хоть и неверующие, но добрые люди и спасутся» (С., 7, 440).

Дуэль, в финале которой дьякон спасает обоих героев – одного от смерти, а другого от убийства – становится кульминацией его стремления ко всеобщему примирению. Не случайно в сцене восторженного прощания с фон Кореном актуализируется семантика его фамилии – Победов: дьякон радуется

победе героев над своими пороками и заблуждениями: «Боже мой, какие люди! Воистину десница божия насадила виноград сей! Господи, господи! Один победил тысячи, а другой тьмы... Знайте, что сегодня вы победили величайшего из врагов человеческих – гордость!» (С., 7, 453). В финале повести, после дуэли, дьякон подходит даже к мысли о примирении религий: он, со свойственным ему стремлением к разрешению глобальных противоречий, спрашивает татарина Кербалая: «Почему же вы, мусульмане, смотрите на христиан, как на вековечных врагов своих?» – и получает ответ: «Бог у всех один, а только люди разные» (С., 7, 449).

Безусловно, дьякона нельзя назвать идеальным героем: он легкомыслен, смешлив, пассивен. Но именно этому герою, с его наивным оптимизмом, дано право выразить авторскую концепцию: превыше всего – не идея, а человечность, движение сердца, а не сухого разума. Победов искренне убежден в необходимости снисхождения, дружеского отношения людей друг к другу. Эти ценности он проговаривает на пути к месту дуэли: «Как бы они ухватились друг за друга, как бы охотно прощали взаимно недостатки и ценили бы то, что есть в каждом из них. Ведь даже внешне порядочных людей так мало на свете! <...> ...Неужели этого недостаточно, чтобы относиться... снисходительно?» (С., 7, 442).

Та же идея милосердного, человеческого отношения является основой и другого чеховского рассказа – «Письмо». В нем автор также сопоставляет две правды – благочинного отца Федора, «благообразного, хорошо упитанного... как всегда важного и строгого» (С., 6, 153), и внешне неприятного, находящегося под следствием за многочисленные провинности и пьянство старого священника отца Анастасия с «красными, мутноватыми глазами» (С., 6, 154), которые выражали «что-то жалкенькое, забитое и униженное» (С., 6, 153). Оба священнослужителя принимают участие в судьбе дьякона Любимова, который приходит за советом – как быть с сыном Петром, неверующим и ведущим греховную жизнь в городе? Благочинный призывает к строгости и диктует дьякону письмо с обличением «язычества» и духовной «погибели» Петра. Но точку в этом деле неожиданно ставит отец Анастасий: он советует дьякону не посылать письма, руководствуясь чисто человеческими соображениями: «Что толку? Ну, ты пошлешь, он прочтет, а... а дальше что? Встревожишь только. Прости, бог с ним! <...> Ежели отец родной его не простит, то кто ж его простит?» (С., 6, 161–162).

Эта проповедь милосердия находит живой отклик в сердце дьякона. Примечательна фамилия и этого героя – Любимов. Призыв к прощению вызывает в нем всплеск любви к сыну: «Недовольство, скорбь и страх уже не беспокоили его... <...> Думалось одно лишь хорошее, теплое, грустное...» (С., 6, 163). Шутливая приписка к письму, которую делает дьякон перед его отправкой, – это та же попытка уравновесить, примирить осуждение и любовь к сыну, необходимую по сану строгость и отеческую заботу, что позднее будет предприниматься героем «Дуэли».

О всепрощении говорится и в более раннем рассказе Чехова «Панихида». Центральным образом здесь является лавочник Андрей Андреич, который не может простить опозорившую его дочь-«актерку» и после ее смерти. Однако к раскаянию его подталкивают два духовных лица – священник отец Григорий и безымянный дьякон. Чувствуется, что они искренне возмущены запиской «за упокой блудницы», и их «гнев и испуг» (С., 4, 352) постепенно передаются и лавочнику. Убеждение отца Григория: «Ты все после ее смерти забыть должен!..» (С., 4, 353) – вкупе с «печальным напевом» дьякона во время службы заставляют героя вспомнить «свою Машутку» (С., 4, 354), ее страдания перед смертью и, наконец, вызывают в нем чувство прощения, пусть и с комическим оттенком: «Помяни, господи, – бормочет он, – усопшую рабу твою блудницу Марию и прости ей вольная и невольная...» (С., 4, 355).

Рассказ «Святою ночью» добавляет к этому собирательному образу чеховских священнослужителей еще одну существенную черту: послушник Иероним, как и его умерший друг иеромонах Николай, проявляет душевную чуткость к людям и красоте этого мира. Оба они, как и дьякон из «Дуэли», находятся в некоем промежуточном положении: Иероним бесценно дежурит на пароме, являясь связующим звеном между монастырем, т.е. духовным, церковным миром, и другим берегом, олицетворяющим все мирское, светское. К людям обращены и акафисты, которые писал Николай: в отличие от «отца наместника», который «затрудняется... составлять» (С., 5, 97) даже проповеди, иеромонах обладал даром писать так, «чтобы молящийся сердцем радовался и плакал, а умом содрогался и в трепет приходил» (С., 5, 97). Впрочем, талант его пропадает в стенах монастыря: из всей братии, как признается Иероним, он один только читал акафисты Николая.

Рассказывая о неприятии в монастыре таланта умершего иеромонаха, Иероним невольно выдает свое представление о том, каким должен быть священнослужитель – способным тонко чувствовать самому и одновременно оберегать чувства других людей, относиться к ним с лаской и жалостью. «Знаете, у нас в монастыре народ все хороший, добрый, благочестивый, – говорит Иероним, – но... ни в ком нет мягкости и деликатности, все равно как люди простого звания. Говорят все громко, когда ходят, ногами стучат, шумят, кашляют, а Николай говорил всегда тихо, ласково, а ежели заметит, что кто спит или молится, то пройдет мимо, как мушка или комарик. Лицо у него было нежное, жалостное...» (С., 5, 99). «Деликатность» и жалость к людям вновь ставятся Чеховым выше обязательного для священнослужителя «благочестия».

Образ самого Иеронима дополняет этот авторский идеал еще одной чертой: он обладал, по наблюдению повествователя, искренней, «детской» восторженностью в восприятии церковных обрядов. Вот почему, застав в монастырском храме всеобщее «возбуждение и беспокойство», «беспардонное шатание и толкотню» (С., 5, 100), повествователь жалеет, что здесь нет

Иеронима, который, слушая пасхальное пение, «жадно пил бы своей чуткой душой, упился бы до восторгов, до захватывания духа, и не было бы во всем храме человека счастливее его» (С., 5, 101).

В образе послушника, скорбящего по умершему другу, проявляется и то, что Чехов особенно актуализирует в характерах своих более поздних священнослужителей, – духовное одиночество героя как среди братьев, так и среди мирян. Трагическая отделенность от людей чувствуется и в образе отца Якова из рассказа «Кошмар», написанного примерно в то же время, что и «Святою ночью». Это, пожалуй, единственный рассказ Чехова, в котором он обращается к изображению быта духовенства и обнажает страшную нужду, в которой живут 28-летний сельский священник и его жена, взятая «из хорошего дома» (С., 5, 70). Описание нищеты и непонимания со стороны «чересчур сытого и не рассуждающего» (С., 5, 73) молодого губернского чиновника не затеняет облик самого отца Якова, доброго, искреннего, честного, обладающего способностью к самопожертвованию и состраданию. И все-таки более всего в рассказе акцентировано страдание священника, который, изнемогая от голода и стыда, начинает сомневаться даже в своем призвании и вере: «Спаси нас, господи, и помилуй! И зачем было такой сан на себя принимать, ежели ты маловер и сил у тебя нет? Нет конца моему отчаянию! <...> И что оно такое, господи, делается на свете. Такое делается, что если в газеты написать, то не поверят люди... И когда всему этому конец будет!» (С., 5, 69–70).

Еще сильнее страдание и духовное одиночество священнослужителя одного из последних рассказов Чехова «Архиерей»¹⁰. Герой отдаляется от людей («его поражала пустота, мелкость всего того, о чем просили, о чем плакали; его сердили неразвитость, робость...» (С., 10, 194)) и чувствует, что и люди, даже самые близкие, отдаляются от него: «За все время, пока он здесь, ни один человек не поговорил с ним искренне, попросту, по-человечески; даже старуха мать, казалось, была уже не та...» (С., 10, 194).

Актуализируется в «Архиерее» и характерная для чеховских рассказов о священнослужителях двойственность, соседство двух полюсов, между которыми оказывается герой. Э.М. Жиликова называет это «принципом многоуровневой антиномии» [27. С. 280], который в рассказе реализуется как «процесс одновременного обнаружения противоположных тоналностей и сопряжения их» – «между отчаянием и радостью, слезами и улыбкой, жизнью и смертью» [Там же. С. 281]. Однако, в отличие от дьякона Победова, послушника Иеронима или дьякона Любимова преосвященный Петр не способен к «сопряжению» этих двух противоположностей, с самого начала он выбирает лишь один полюс – слезы, отчаяние, боль, смерть.

В исследовательской литературе, посвященной «Архиерею», доминирует мнение о том, что священнослужителя в этом рассказе нельзя рассматривать с точки зрения его статуса. Здесь архиерей и его окружение, как и большинство персонажей поздних произведений Чехова, «прежде всего – просто люди и

лишь потом – лица церковные» [28. С. 2]; они, «утрачивая свой социальный статус... выступают как бы от лица всякого, любого человека перед лицом бесчеловечной действительности» [29. С. 21]. Но существенно, что именно на материале жизни священнослужителей Чехов ставит проблему трагического одиночества современного человека. В этом усилении трагического пафоса проявляется новизна Чехова в сравнении с Лесковым и обнаруживается органическая связь Чехова с английскими традициями¹¹, получившими новые акценты в русской литературе.

Общность в изображении характера истинного служителя Церкви в произведениях Элиот, Лескова и Чехова обнаруживается в «совпадении» целого ряда художественных деталей. Одна из них – любовь священнослужителей к рыбной ловле. В романе Элиот «Мидлмарч» страстным рыболовом оказывается герой-священник второго плана, преподобный Гемфри Кэдуолледер. Впервые он появляется на страницах романа именно как рыболов, а не священник: стоя в чуланчике, он «крутит катушку спиннинга» [22. С. 70]. Добрый нрав Кэдуолледера не исключает самоиронии: он признается, что в Мидлмарче его называют «попом-рыболовом», и при этом издает «тихий смешок», поскольку «всегда был готов первым посмеяться любым выпадам по своему адресу» [Там же. С. 74].

Рыбная ловля становится своеобразной положительной характеристикой героя и в «Мелочах архиерейской жизни» Лескова: уже упомянутый епископ Неофит ловил в помещичьем пруду карасей, «смотрел на эту ловлю с большим удовольствием и не раз ее похваливал, приговаривая:

«– Старинная работка – апостольская! Надо быть ближе к природе – она успокоивает. Иисус Христос все моря да горки любил да при озерах сиживал. Хорошо над водою думать» [13. Т. 6. С. 474].

Это же пристрастие своих священнослужителей к рыбной ловле отмечает и Чехов в повести «Дуэль», где дьякон ловит бычков на пристани, и в рассказе «Письмо». Отец Федор здесь вспоминает о причинах своей личной неприязни к сыну дьякона – и в том числе о том, что «Петруша презрительно относился к рыбной ловле, до которой благочинный и дьякон были большие охотники» (С., 6, 157). Акцент, который делает на этом отец Федор, показывает, что нелюбовь Петра к рыбной ловле лежит для благочинного в одной плоскости с нежеланием молодого человека креститься и ходить в церковь. Рыболовство становится еще одной приметой жизни правоверного священнослужителя, хотя Чехов, конечно, вкладывает в эту деталь и толику иронии.

Проведенное исследование показывает, что в изображении духовных лиц Чехов ориентируется на лесковскую концепцию, связанную с английской литературой. Будучи внимательным читателем «клерикальной» прозы Лескова, Чехов не мог не обратить внимания на его новаторски смелую манеру изображения священнослужителей, корни которой уходят прямиком в прозу Э. Тrolлопа и Дж. Элиот. В произведениях Чехова ощутим тот же добрый юмор, что и у

Лескова и Элиот, и одновременно – то же глубокое сочувствие духовным лицам, которое, безусловно, берет свое начало у его предшественников.

Схожи у писателей и акценты, расставленные при характеристике их лучших героев-священнослужителей. Вслед за Элиот, которая, по словам А. Жюмо, требовала высокого «качества человеческих отношений между священником и его прихожанами» [30. С. 18], Лесков и Чехов показывают пример того, как истинный духовный пастырь способен внушить любовь и уважение к себе не требовательностью и строгим соблюдением церковных обрядов, но способностью разглядеть в каждом из мирян человека и отнестись к нему с душой и чисто евангельским милосердием. Писатели указывают на духовное одиночество священника в малообразованной провинци-

альной среде, часто сопряженное с тяжелым материальным положением. Неприкрытая правда жизни характерна для творчества всех исследуемых авторов, но Чехов, писатель рубежа веков, первым вносит в изображение жизни священнослужителей оттенок трагизма. Эта интерпретация темы, особенно очевидная в рассказе «Архиерей», впоследствии отзовется в творчестве писателей начала XX в. – прежде всего, в «Жизни Василия Фивейского» Л. Андреева.

Исследование образов священнослужителей в творчестве Чехова позволяет говорить о развитии писателем английской традиции, обусловленной интересом Чехова к прозе Лескова и типологической близостью концепции священнослужителя как человека, подлинно нравственной личности, свободной от догматизма, в творчестве Джордж Элиот, Н.С. Лескова и А.П. Чехова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Примером может служить раздел «Чехов в Англии» в сборнике «Чехов и мировая литература» [1].

² Научная литература по теме «Чехов и Шекспир» обширна, об этом свидетельствует, например, список источников в диссертационном исследовании Е.Ю. Виноградовой [2].

³ Среди них можно отметить статью А. Головачевой [3], эссе Е. Пугачевой [4] и публичную лекцию С. Булгакова [5], где он сравнивает Чехова с Байроном.

⁴ Здесь и далее ссылки на полное собрание сочинений А.П. Чехова даются в круглых скобках с указанием тома (П. – письма, С. – сочинения) и страницы по изданию [7].

⁵ Среди наиболее значимых работ необходимо назвать статью И.П. Видуэцкой [8], С.Ф. Дмитренко [9], А.М. Туркова [10], раздел о Н.С. Лескове в монографии В.Б. Катаева [11], диссертационное исследование Л.Н. Малиночка [12].

⁶ Цит. по: [14. С. 68–69].

⁷ См. об этом наши статьи [15, 16].

⁸ Активно занимаясь публицистической работой, Лесков вряд ли мог быть не знаком с содержанием крупнейших российских журналов: например, роман Элиот «Феликс Холт, радикал» был напечатан в 1867 г. во второй части ноябрьского номера «Отечественных записок» одновременно со статьей русского писателя. Ранее, в том же году, было опубликовано еще два перевода «Феликса Холта»: в журналах «Литературная библиотека» и «Всемирный труд». Оба они связаны с публицистической деятельностью Лескова, более того: отклик на ряд публикаций во «Всемирном труде» стала статья Лескова «Летопись литературных странностей и безобразий» в журнале «Литературная библиотека», где писатель прямо называет имя Джордж Элиот: «Женщине, при существующем взгляде на права ее пола, гораздо удобнее рассказывать роман или повесть, прикрываясь мужским псевдонимом, как это и делают: Жорж Занд, Джордж Элиот...» [17. Т. 5. С. 570].

Позднее, в статье «Русские общественные заметки» 1869 г. Лесков доказывает мысль о том, что «наша литература не беднее, а может быть, богаче некоторых других литератур», замечая: «Все эти Кавана, Коллинз и Элиот и другие, по справедливости говоря, не внушают нам никакой зависти» [17. Т. 8. С. 222]. Тем не менее в 1893 г. в письме к М.О. Меньшикову Лесков рекомендует публицисту поработать над одним из его образов, обратившись к творчеству английской писательницы: ««Девственные» природы тоже не таковы. Надо бы брать св. Цецилию, или Дж. Элиот...» [13. Т. 11. С. 556].

⁹ По мнению Э. Дуркина, «литературная генеалогия дьякона Победова восходит, очевидно, к Н.С. Лескову» [24. С. 169].

¹⁰ Мы не останавливаемся подробно на образе священнослужителя в рассказе «Архиерей» в связи с высокой степенью его изученности. Как принципиально важные необходимо отметить разделы об «Архиерее» в монографиях А.С. Собенникова [25. С. 142–159] и А.Д. Степанова [26. С. 337–359].

¹¹ Трагедийное начало чеховских произведений наиболее явно связывает их с шекспировской традицией, т.е. с традицией английской литературы. Это почувствовали уже первые английские переводчики Чехова, которые заменили название рассказа «Враги» на «Две трагедии» [1. С. 370].

ЛИТЕРАТУРА

1. Чехов в Англии // Чехов и мировая литература : в 3 кн. (Лит. наследство; Т. 100). Кн. 1. М. : Наука, 1997. С. 369–534.
2. Виноградова Е.Ю. Шекспир в художественном мире А.П. Чехова : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 201 с.
3. Головачева А. А.П. Чехов и Ч. Диккенс: рождественские сюжеты // Південний архів. Філологічні науки. Херсон, 2009. Вып. XLVI. С. 49–57.
4. Пугачева Е. Диккенс и Чехов параллели в судьбе и творчестве. URL: <http://www.proza.ru/2011/02/25/1214> (дата обращения: 8.05.2015).
5. Булгаков С. Чехов как мыслитель. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/bulgakov/bulgak17.htm> (дата обращения: 8.05.2015).
6. Голицына Н. Как Чехов стал своим для Британии // Радио Свобода. 29 января 2010. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/1943114.html> (дата обращения: 6.05.2015).
7. Чехов А.П. Полное собрание сочинений : в 30 т. М. : Наука, 1974–1983.
8. Видуэцкая И.П. Чехов и Лесков // Чехов и его время. М., 1987. С. 101–116.
9. Дмитренко С.Ф. Чехов и Лесков (творческие взаимоотношения в связи с проблемой художественного метода) // А.П. Чехов (проблемы жанра и стиля). Ростов н/Д, 1986. С. 69–78.
10. Турков А.М. Лесков и Чехов // Чеховские чтения в Ялте: Чехов сегодня. М., 1987. С. 85–90.
11. Катаев В.Б. Чехов плюс... : предшественники, современники, преемники. М., 2004. С. 55–61.
12. Малиночка Л.Н. А.П. Чехов и Н.С. Лесков: проблема преемственности : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008. 181 с.
13. Лесков Н.С. Собрание сочинений : в 11 т. М., 1956–1958.
14. Аннинский Л. «Русский космос» Николая Лескова // Лесков Н.С. Собрание сочинений : в 6 т. М, 1993. Т. 4. С. 5–74.
15. Гнюсова И.Ф. «Мелочи архиерейской жизни» Н.С. Лескова в контексте английской прозы о жизни священнослужителей (Дж. Элиот и Э. Троллоп) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2015. № 1. С. 98–107.

16. Гнусова И.Ф. «Изнемогший в бою русский витязь»: образ священнослужителя в романе-хронике Н.С. Лескова «Соборяне» в контексте традиций английской литературы («Сцены из клерикальной жизни» Джордж Элиот) // Вестник Томского университета. 2015. № 393. С. 5–13.
17. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: В 30 т. М., 1996–2012.
18. *The George Eliot Letters*: 9 volumes. New Haven and London: Yale UP, 1954–1978. Vol. II. 1954. 513 p.
19. *Исповедь* Джэнет: Роман Джорджа Элиота // Современник. 1860. Т. 81. Приложение. 166 с.
20. *Феликс* Гольт, радикал: Роман Джорджа Элиота. СПб., 1867. 481 с.
21. *Проскурнин* Б.М. Английский политический роман XIX века: очерки генезиса и эволюции. Пермь, 2000. С. 202.
22. *Элиот* Дж. Мидлмарч. М., 2012. 829 с.
23. *Капустин Н.В.* Религия // А.П. Чехов. Энциклопедия. М., 2011. 696 с.
24. *Durkin A.* Allusion and Dialogue in “The Duel” // *Reading Chekhov’s Text*. Evanston, Illinois, 1993. P. 169–179.
25. *Собенников А.С.* «Между “есть Бог” и “нет Бога”...»: (о религиозно-философских традициях в творчестве А.П. Чехова). Иркутск, 1997. 224 с.
26. *Степанов А.Д.* Проблемы коммуникации у Чехова. М., 2005. 400 с.
27. *Жилиякова Э.М.* Последний псалом А.П. Чехова («Архиерей») // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 1994. Вып. 3: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сб. науч. тр. Вып. 1. С. 274–284.
28. *Ранчин А.* Просто люди. Священнослужители в произведениях А.П. Чехова // *Литература*. 1997. № 28. С. 34–41.
29. *Лапушин П.Е.* Трагичность в творчестве А.П. Чехова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 23 с.
30. *Jumeau A.* “Scenes of Clerical Life”: George Eliot’s Own Version of Conversion // *The George Eliot Review*. Nuneaton, 2009. P. 15–24.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 4 сентября 2015 г.

THE CHARACTER OF THE CLERGYMAN IN A.P. CHEKHOV’S PROSE IN THE CONTEXT OF RUSSIAN AND ENGLISH LITERATURE TRADITION (N.S. LESKOV AND GEORGE ELIOT)

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 34–42. DOI: 10.17223/15617793/401/5

Gnyusova Irina F. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru

Keywords: A.P. Chekhov; N.S. Leskov; George Eliot; tradition; character; clergyman.

A research of representation of clergy characters in Chekhov’s stories allows speaking about essential typological convergence between works of Chekhov and English writers of the 19th century, first of all, George Eliot. An important fact is that the Russian writers’ heritage mediated Chekhov’s absorption of English literary traditions. N.S. Leskov’s works are of key importance here. Chekhov carries on Leskov’s tradition in many respects: like his “favourite scribbler” he aims to show facts of life, defends freedom of expression, stays out of any ideological currents. Chekhov’s clergymen also show echoes of Leskov’s characters. A unique role of Leskov in the history of Russian literature is that he was first to describe a clergyman as a thinking, sentient and suffering person. Leskov’s and Chekhov’s prose is close by authors’ pathos, equal writers’ wish to find and describe ordinary clergymen, close to their parish, in whom the human dominates over dogmatism and condescending ministerial severity. This pathos penetrates all Leskov’s series of sketches *Trifles from the Life of Archbishops*. Leskov’s discoveries were directly connected with the English tradition of “clerical” prose. It is important that, in contrast to Chekhov, the author of *The Cathedral Clergy* showed the genuine interest in the literature, culture, religious movements of Great Britain; his works confirm it. It is arguable that Leskov knew George Eliot’s novels and short novels, too. Eliot in her works demonstrates clergymen’s fates, and each one is dramatic in its own way. All characters bear the burden of loneliness, suffer from misunderstanding, poverty, excessive toil. Ability for sympathy becomes the main trait of clergymen. There is no doubt that their openness and the absence of haughtiness will affect Leskov’s and Chekhov’s “clerical” prose. The characters of clergymen quite often appear in Chekhov’s stories, but five of them seem to be most representative: *The Requiem*, *A Nightmare*, *Holy Night*, *The Letter*, *The Archbishop*, and also the short novel *The Duel*. Chekhov endows the priests from these works with common traits; the “kernel” of them is humaneness, connected with largeness of views, anti-dogmatism in respect of people. Moreover, mercy, ability to forgive and accept somebody’s views, delicacy, subtle sensitivity of life are peculiar to these characters. The research allows stating the typological proximity in the conception of a clergyman as a person, a truly moral individual free from dogmatism, in George Eliot’s, N.S. Leskov’s and A.P. Chekhov’s works.

REFERENCES

1. Rozenblum, L.M. (ed.) (1997) Chekhov v Anglii [Chekhov in England]. In: Chekhov i mirovaya literatura: v 3 kn. [Chekhov and world literature: in 3 books]. Book 1. Moscow: Nauka.
2. Vinogradova, E.Yu. (2004) *Shakespeare v khudozhestvennom mire A.P. Chekhova* [Shakespeare in the art world of A.P. Chekhov]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
3. Golovacheva, A. (2009) A.P. Chekhov i Ch. Dikens: rozhdestvenskie syuzhety [A.P. Chekhov and Ch. Dickens: Christmas scenes]. *Pivdenniy arkhiv. Filologichni nauki*. Kherson. XLVI. pp. 49–57.
4. Pugacheva, E. (2011) Dikens i Chekhov paralleli v sud’be i tvorchestve [Dickens and Chekhov: parallels in the life and work]. [Online]. Available from: <http://www.proza.ru/2011/02/25/1214>. (Accessed: 8 May 2015).
5. Bulgakov, S. (1910) *Chekhov kak myslitel’* [Chekhov as a thinker]. [Online]. Available from: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/bulgakov/bulgak17.htm>. (Accessed: 8 May 2015).
6. Golitsyna, N. (2010) *Kak Chekhov stal svoim dlya Britanii* [How Chekhov became a “native” for Britain]. [Online]. Available from: <http://www.svoboda.org/content/article/1943114.html>. (Accessed: 6 May 2015).
7. Chekhov, A.P. (1974–1983) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete Works: in 30 v.]. Moscow: Nauka.
8. Viduetskaya, I.P. (1987) Chekhov i Leskov [Chekhov and Leskov]. In: Turkov, A.M. *Chekhov i ego vremya* [Chekhov and his time]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
9. Dmitrenko, S.F. (1986) Chekhov i Leskov (tvorcheskies vzaimootnosheniya v svyazi s problemoy khudozhestvennogo metoda) [Chekhov and Leskov (creative relationship in connection with the problem of artistic method)]. In: *A.P. Chekhov (problemy zhanra i stilya)* [A.P. Chekhov (the problem of genre and style)]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta., pp. 69–78.
10. Turkov, A.M. (1987) Leskov i Chekhov [Leskov and Chekhov]. In: Golovacheva, A.P. (ed.) *Chekhovskie cheniya v Yalte: Chekhov segodnya* [Chekhov readings in Yalta: Chekhov today]. Moscow: Lenin State Library.
11. Kataev, V.B. (2004) *Chekhov plyus...: predshestvenniki, sovremenniki, preemniki* [Chekhov plus...: predecessors, contemporaries, successors]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury.

12. Malinochka, L.N. (2008) *A.P. Chekhov i N.S. Leskov: problema preemstvennosti* [A.P. Chekhov and N.S. Leskov: the problem of succession]. Philology Cand. Diss. Tver.
13. Leskov, N.S. (1956–1958) *Sobranie sochineniy: v 11 t.* [Collected Works: in 11 v.]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
14. Anninskiy, L. (1993) "Russkiy kosmos" Nikolaya Leskova [The "Russian cosmos" of Nikolai Leskov]. In: Leskov, N.S. *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 v.]. V. 4. Moscow: Ekran.
15. Gnyusova, I.F. (2015) N.S. Leskov's Trifles from the Life of Archbishops in the Context of English Literature about Clerical Life (George Eliot and Anthony Trollope). *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 1. pp. 98–107. (In Russian).
16. Gnyusova, I.F. (2015) "Russian knight, beaten out in battle": character of clergyman in N.S. Leskov's novel-chronicle The Cathedral Clergy in the context of English literature traditions (George Eliot's Scenes of Clerical Life). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 393. pp. 5–13. (In Russian).
17. Leskov, N.S. (1996–2012) *Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t.* [Complete Works: in 30 v.]. Moscow: Terra.
18. Haight, G. (ed.) (1954) *The George Eliot Letters: 9 volumes*. Vol. II. New Haven and London: Yale UP.
19. Eliot, G. (1860) *Ispoved' Dzhenet: Roman Dzhordzha Eliota* [Janet's Confession: A Novel by George Eliot]. Translated from English. *Sovremennik*. 81. Supplement.
20. Eliot, G. (1867) *Feliks Gol't, radikal: Roman Dzhordzha Eliota* [Felix Holt, The Radical: A Novel by George Eliot]. Translated from English. St. Petersburg: tip. Yu.A. Bokrama.
21. Proskurnin, B.M. (2000) *Angliyskiy politicheskiy roman XIX veka: ocherki genezisa i evolyutsii* [English political novel of the 19th century: Essays on the genesis and evolution]. Perm: Perm State University.
22. Eliot, G. (2012) *Midmarch* [Middlemarch]. Translated from English. Moscow: Astrel'.
23. Kapustin, N.V. (2011) *Religiya* [Religion]. In: Kataev, V.B. (ed.) *A.P. Chekhov. Entsiklopediya* [A.P. Chekhov. Encyclopedia]. Moscow: Prosveshchenie.
24. Durkin, A. (1993) Allusion and Dialogue in "The Duel". In: Jackson, R.L. (ed.) *Reading Chekhov's Text*. Evanston, Illinois.
25. Sobennikov, A.S. (1997) *Mezhdú "est' Bog" i "net Boga"....: (o religiozno-filosofskikh traditsiyakh v tvorchestve A.P. Chekhova)* [Between "There is God" and "There is no God" . . . : (religious and philosophical traditions in the works of Anton Chekhov)]. Irkutsk: Irkutsk State University.
26. Stepanov, A.D. (2005) *Problemy kommunikatsii u Chekhova* [Communication problems in Chekhov's works]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
27. Zhilyakova, E.M. (1994) *Posledniy psalom A.P. Chekhova ("Arkhieriy")* [The last psalm of A.P. Chekhov ("The Bishop")]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of historical poetics]. Is. 3. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. pp. 274–284.
28. Ranchin, A. (1997) *Prosto lyudi. Svyashchennosluzhiteli v proizvedeniyakh A.P. Chekhova* [Simple people. The clergy in the works of A.P. Chekhov]. *Literatura*. 28. pp. 34–41.
29. Lapushin, R.E. (1993) *Tragichnost' v tvorchestve A.P. Chekhova* [The tragedy in the works of A.P. Chekhov]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
30. Jumeau, A. (2009) Scenes of Clerical Life: George Eliot's Own Version of Conversion. *The George Eliot Review*. Special Issue. pp 15–24.

Received: 04 September 2015